

ду никто не может отрицать, что и Церковь, оказываясь в совершенно новой обстановке, должна проявлять большую приспособляемость к новым условиям и формам жизни и, сохраняя неизбывное и основное, должна уметь во-время отказаться от всего джитого и стесняющего Ее в выполнении Ее непосредственных задач. Движимая Духом Святым, Она, в течение всей своей многовековой истории, доказывала эту свою жизнеспособность и оставалась непоколебленной в то время, как сходили с исторической арены и исчезали великие государства и цветущие национальные культуры. Выполнит эту свою миссию Церковь и в наше время. Стоит лишь присмотреться к страдальческому опыту Русской Церкви в течение последних 22 лет, чтобы убедиться в исполнении Христовых слов о том, что врата ада не сокрушат Его Церкви. Но мысль современных «нео-христиан» скачет в направлении их собственных фантазий, обычно не замечая того действительно существенного, что творится в жизни Церкви. Также и монахиня Мария, совершенно проглядев великий подвиг своей родной Церкви, почему-то считает нужным приходить в неопишущий восторг от современной позиции и деятельности католичества, в которых, даже с ее точки зрения, следовало бы найти много предосудительного и соблазнительного для элементарной христианской совести.

Вообще, в писаниях «нео-христиан», в их суждениях о Церкви, о иерархии, христианском аскетизме, смиренности, в их вражде к монашеству — много общего с идеологией обновленчества, столь распространявшегося в России в первые годы большевизма и теперь переживающего свой, будем надеяться, окончательный закат. Думается, что не случайно и руководители «Православного Дела» причисляют себя к числу «работников

церковного обновления». К внутри-русским обновленцам они идейно действительно близки.

Среди статей сборника следует особо выделить статью Г. П. Федотова, исключительно интересную по постановке трактующих в ней вопросов, ценную своею глубиной и чуждую разбираемого нами вульгарного «неохристианства».

Кирилл Шевич.

«ТРЕТЬЯ РОССИЯ» — орган осуществления нового синтеза; книга 9. Париж, 1939 г.

Нельзя без чувства недоумения читать сборник «Третья Россия».

П. С. Боранецкий — основатель, редактор и автор большинства статей в разбираемом сборнике, по всей вероятности, искренно уверен в оригинальности своей идеи, противопоставляемой им — всякой религии, и не замечает, что нового он ничего не говорит.

Преклонение перед знанием человека, перед его всемогуществом приводит его к новой религии, в которой «человек — становится Богом».

Не будем, поэтому, подробно останавливаться на теориях П. С. Боранецкого. Я думаю, что все искания Боранецкого основаны на недоразумении. Не приняв марксистского материализма, в поисках истины и абсолютного, он проходит мимо Истины, не появив ее. Но здесь, бессознательно, автор становится жертвой тех лже-нечувствительных утверждений, которые проповедуются марксизмом. И нет ни чего удивительного, что заключения, делаемые Боранецким, так поразительно похожи на писания «идеологов» безбожия в России — Ярославского, Олешука и др. С той только разницей, что в условиях сталинской диктатуры можно прибегать к искажению исторических фактов Евангельского Учения, а в условиях сво-

Бодной мысли это доказывает беспочвенность всего построения.

И действительно, как можно серьезно относиться к идейным установкам Боранецкого, когда он, например, отрицает историчность факта жизни Христа на земле, установленного свидетельствами современников. Ведь даже дтенсты не отрицают этого. Полное непонимание христианства проявляет Боранецкий, утверждая, что христианство, это — религия слабых и что оно обращается к убожеству человека и его немощи. Как можно говорить о немощности и убожестве, знакомясь с житиями Сергия Радонежского, Андрея Боголюбского, Александра Невского и даже с более близкими примерами — жизнью Русской Церкви за последние два десятилетия.

Подлинное величие и могущество духа, именно духа, в подвигах святых и исповедников Православия, а не в горделивом самопревозношении человека и своих возможностей, столь ограниченных по существу.

Я далек от мысли спорить с Боранецким. Вопрос не в доказательствах, а в вере, а «как вы можете верить, когда друг о друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Иоанна, 5,44).

Можно только пожалеть, что, говоря о христианстве, Боранецкий не постарался глубже его понять, почему и суждения его весьма легковесны.

Не может Боранецкий и в других оценках выйти из рамок официально - установленных в сегодняшней России.

Просто неприлично говорить об Императоре Николае II, поставившем свой долг перед родиной выше своей жизни и жизни своей семьи и принявшего мученический конец за свой народ, как о человеке, «губившем все», «беспомощно - жестоком», и

сохранять за ним элитет, данный его убийцами — «с кровавым».

Все это очень печально, т. к. мы знаем, что Боранецкий много работал: и искренно ищет правду и любит Россию.

В этой же книге Боранецкий беспощадно бичует всех предателей Русского народа, готовых идти против большевиков со злейшими врагами родного народа. «Пора посмотреть на это, как на уголовное», читаем мы в «Третьей России», Глубокая вера в живые силы русского народа звучит в его статье: «К врагам русского народа», где автор высказывает твердую уверенность в то, что русский народ сам сумеет расправиться «не только со своими внутренними врагами и прежде всего со своими теперешними коммюнистскими тюремщиками и удушителями», но и с внешними врагами.

К сожалению, в связи с другими статьями, эта последняя теряет много в своей убедительности.

Будем надеяться, что П. С. Боранецкий, так любящий свой народ, обретет, в конце концов, и тот дух, которым жил этот народ в продолжение всей своей славной истории, Дух Православия, определявший его устремления и всегда побеждавший все ложное и чуждое.

Сергей Булацель.

«ГРАНЬ». № 1. 1939. Париж.

Ном. первый и, даст Бог, не последний нового журнала очень не велик по своим размерам. Но в нем — несколько отделов, в том числе и литературный.

Все, что в этом номере соответствует почтенным по своему характеру заданиям производит очень благоприятное впечатление. Но тем досаднее констатировать, что новый журнал не сумел возвыситься над дрягми и грязью давно уже всем опротивевшей всеэмигрантской грязь-